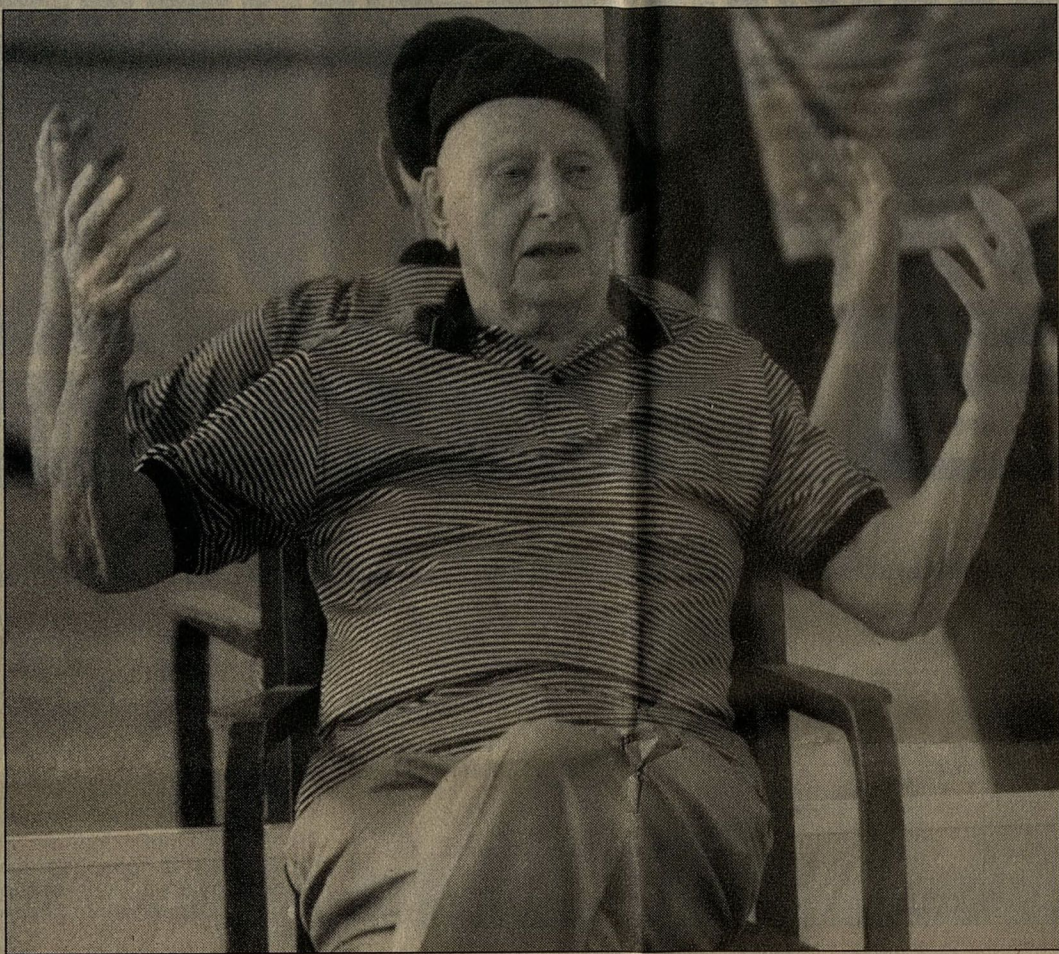

(Окончание. Начало на стр. 1)

- Вы автор книги воспоминаний, которая после прочтения оставляет ощущение от встречи с человеком, живущим в гармонии, в ладу с самим собой. Так ли это?

- В главном это, конечно, так. Как у каждого художника, у меня были сомнения, неудовлетворенность сделанным, недовольство собой. Но эти периоды были недолгими. Возможно, я не имел на них права как руководитель большого коллектива, возможно, просто не было времени.

Я считаю себя счастливым человеком. Я отдал восемьдесят лет служению танцевальному искусству, испытываю чувство гордости за то, что успел сделать. Мой труд имели возможность оценить зрители почти всего земного шара. Ансамбль стал образцом национальной культуры, был, остается и, надеюсь, останется востребованным во всем мире.

В первый период жизни у меня непросто складывались отношения с Большим театром. Для меня не было столь интересно быть просто солистом балета, а проявить себя как балетмейстер в той степени, как мне бы хотелось, я не имел возможности. В конце 30-х годов начался новый этап. Я получил от правительства разрешение организовать ансамбль народного танца и тем самым реализовать долгое время будоражащую меня идею поставить танцевальный фольклор на профессиональную основу, создать систему пластики, движения, ритма для каждого национального танца. Мои танцы - это художественное обобщение, своего рода стилизация, художественный домысел. И знаете, что для меня было самым высоким признанием? Когда в народе начинали танцевать так, как танцуют наши артисты.

Начав работать над постановкой народных танцев, я почувствовал острую необходимость в создании собственной школы, где бы с азов по моей собственной методике начинали учиться будущие артисты ансамбля. Школа была открыта в 1943 году, в тяжелое военное лихолетье, существует уже более 60 лет. Подавляющее большинство артистов ансамбля - это выпускники нашей школы. Я всегда знал, что научить легче, чем переучивать. Мы делаем все возможное, чтобы сохранить наш богатый репертуар, обучить молодежь не только танцевальной технике, но и передать ей нашу манеру исполнения, наш художественный почерк, воспитать верность и преданность ансамблю.

Возвращаясь к вашему вопросу, хочу сказать, что для меня внутреннее согласие - это мечта, воплощенная в реальность. Но начинаться все должно с мечты, с творческой мысли. Работу над книгой «Гастроль длиной в жизнь» я закончил на пороге 90-летия. Думаю, что не так уж рано было начать подводить итоги.

- Как вы думаете, долголетие - это итог правильно образа жизни, знак судьбы или что-то совсем иное?

- Мне трудно ответить, что такое правильный образ жизни, ведь каждый это понимает по-своему. Что касается меня, то я никогда не курил. Мне приходилось много бывать на приемах, в ресторанах, но никогда не пил лишнего, не было потребности. Всегда предпочитал хорошее красное вино. Больше двадцати лет я не ем мяса, после шести часов вечера вообще ничего не ем, только выпиваю стакан чая или кофе с молоком.

С молодых лет я делаю утреннюю гимнастику. У меня своя система, которую после поездок в Индию я обогатил элементами йоги. Вообще Индия для моей внутренней жизни очень важна. Я много читал про нее, изучал книги Елены Блаватской, другие труды по теософии.

Мне посчастливилось встречаться в Индии со Святым Рерихом. Я бывал у него в доме в Бангалоре, где он показывал мне свои картины, интересно и много рассказывал о них и о себе. У нас были и взаимные симпатии, и взаимный интерес.

Долголетие дается не каждому. И, наверное, судьба, высшие силы здесь играют не последнюю роль.

- У Маяковского есть такие известные строки: «Когда я итжу то, что прожил, и роюсь в днях - ярчайший где...» Какие годы, эпизоды, встречи остались для вас самыми яркими?

- Отношение к прожитым годам со временем меняется. Некоторые события начинают видиться в другом свете, что-то уходит в тень, а что-то делается более существенным. Сейчас, возвращаясь мысленно в свое прошлое, я понимаю, насколько важной для меня была встреча с Анатолием Васильевичем Луначарским. Познакомились мы с ним при довольно непростых для меня обстоятельствах. В первый год моей работы в Большом театре я и несколько других молодых артистов балета были уволены за поддержку Касьяна Голейзовского, великодушного балетмейстера, неугодного администрации театра. Мы решили искать справедливости у наркома просвещения Луначарского. Нашли номер его телефона, позвонили. Секретарь переговорил с Луначарским и предложил нам прийти как можно быстрее. Тогда все было просто. Луначарский выслушал нас, оказалось, что Голейзовский ему лично очень нравился, поддержал наш протест. При его содействии мы были в Большом театре восстановлены. Затем оказалось, что Анатолий Васильевич заинтересовался мною и пригласил меня на свои «четверги», где я впервые увидел Мейерхольда, Таирова, Иосифа Уткина, Анри Барбюса. Луначарский приглашал меня на свою дачу, и иногда мы подолгу беседовали с ним, играли в шахматы. Для моего становления как личности все это было очень важным. Я стал усиленно заниматься самообразованием, много читал. По протекции директора Исторического музея мне позволили посещать музейную библиотеку, руководили моим изучением искусства. Луначарский был необычайно интеллигентным и доброжелательным человеком. Ему была интересна творческая, неординарно мыслящая молодежь. Кстати, на «четвергах» у Луначарского я несколько раз встречал Маяковского. Это был высокий, красивый, очень остроумный человек, всегда элегантно, со вкусом одетый.

- Вы были чуть ли не во всех странах мира, в некоторых по многу раз. Редко кто накопил такое богатство впечатлений. Есть ли на земле город, страна, память о которых сильнее всего?

- Есть. Это память о первой встрече с Парижем и о первой поездке в США. Первый раз в Париж мы приехали осенью 1955 года. Погода по сравнению с Москвой была необычайно теплой. Люди на улицах были красиво и нарядно одеты. Сам город покорила своей красотой. Для меня было очень важно, что я мог общаться без переводчика с Сержем Лифарем, Ивом Монтаном, Симоной Синьоре, Жераром Филипом. Меня принимали у себя на

даче Луи Арагон и Эльза Триоле, которые от имени ЦК Компартии Франции способствовали нашему приезду в Париж. От Парижа осталось необыкновенное ощущение радости жизни. Потом для ансамбля стало традицией каждый раз привозить в Париж новую работу.

В Америке мы были впервые в 1958 году. Никто из артистов нашей страны тогда еще не был. Это была совершенно другая планета. Нью-Йорк нас просто поразила. Без всякой лишней скромности называю нашу гастроль в США триумфальной. Нашим импресарио был Голлом Юрок, который организовал и провел гастроль на высшем уровне. Это была необыкновенная личность. Родом из Одессы, он не только прекрасно говорил по-

русски, но и высоко ценил русскую культуру, великолепно чувствовал публику, он был заботлив и внимателен к артистам (что в наше время большая редкость) и всю жизнь посвятил служению искусству. Мы провели в США три месяца. Все концерты неизменно заканчивались американской кадрилию «Сквер данс». Я даже успел провести мастер-класс для американских хореографов. На наших концертах побывали многие знаменитости Америки. Свою признательность мне высказала одна из известнейших женщин того времени - актриса Марлен Дитрих. Вспоминаю такой курьезный случай. Мне представили молодого человека, вероятно, всем очень известного. Поинтересовался, кто это. С удивлением взглянув на меня, ответили, что это Марлон Брандо. Не только внешность, но и имя мне ничего не говорили. Наша изоляция была столь велика, что я не знал величайшего актера Америки.

В США мы были еще много раз. И мне дорога почетная премия Международного фонда, которую я получил в 1995 году за развитие культурных связей между нашими странами. Ведь ансамбль стоял у истоков зарождения этих связей...

Игорь МОИСЕЕВ родился в 1906 году в Киеве. В 1924 году после окончания Московского хореографического училища приходит в Большой театр и до 1939 года выступает как ведущий солист балета. Через несколько лет в его постановке на сцене Большого театра уже идут балеты «Футболист», «Саламбо», «Три толстяка». Успех и известность Моисееву как режиссеру и постановщику приносят довоенные спортивные парады на Красной площади.

В 1937 году Игорь Моисеев создает первый в мире профессиональный ансамбль народного танца, становится родоначальником нового направления в хореографическом искусстве - народно-сценического танца, равновеликого классическому. Ансамбль - это по сути Театр народного танца Игоря Моисеева со своим хореографическим действием, оригинальностью сюжетов, самобытностью танцевальной манеры, основанной на высочайшей технике и безукоризненной исполнительской культуре. До настоящего времени Игорь Александрович является единственным балетмейстером ансамбля и его бессменным художественным руководителем.

В репертуаре ансамбля около трехсот танцев народов мира, жанровые хореографические миниатюры, сюиты, одноактные балеты. Ансамбль побывал более чем в 55 странах мира, первым устанавливал культурные связи СССР на всех континентах и везде имел ошеломляющий успех.

За программу «Дорога к танцу» народный артист СССР Игорь Моисеев был удостоен Ленинской премии, а коллектив - звания академического. Игорь Моисеев - Герой Социалистического Труда, лауреат пяти Государственных премий СССР и России, первый лауреат премии правительства Москвы «Легенда века».

хал в только что построенный Концертный зал имени Чайковского, где наша «резиденция» находится до сих пор. Я все время ощущал благосклонность Сталина. Сейчас мне кажется, что я его не боялся. Но инстинкт самосохранения говорил мне, что надо держаться подальше. Чувство опасности не покидало меня никогда. Возможно, это усугублялось и ответственностью за большой коллектив.

- Ваш ансамбль десятилетиями использовали в пропагандистских целях. Какую пропаганду вы могли вести, например, в середине XX столетия в Америке? Какие впечатления, ощущения, кроме эстетических, получали на ваших концертах зарубежные зрители?

- Сейчас это очень трудно представить, но тогда, после войны, при нашей отчужденности от многих стран мира мы были первыми русскими, первыми представителями СССР, которых увидели во Франции, в Англии, США, Японии. Перед публикой, перед всеми, с кем мы общались вне концертов, представляли здоровые, сильные, довольные жизнью молодые люди - артисты ансамбля. С гордостью вспоминаю, что наши девушки поражали иностранцев кра-

сотою и изяществом. Только им известным способом при крайне ограниченных возможностях они умели быть всегда со вкусом и элегантно одетыми, не теряя индивидуальности, следовать тогдашней моде. Но главным все-таки было то, что мы всегда ощущали себя представителями могучего государства, великой державы. И это не могло не передаваться всем, с кем мы встречались. Кроме того, народный танец очень праздничный и жизнерадостный вид искусства. От наших выступлений исходил заряд бодрости, энергии, оптимизма. И это тоже формировало новое отношение к нашей стране. Высочайший уровень мастерства артистов, самобытность хореографических приемов, богатые национальные костюмы, разнообразие репертуара были визитной карточкой нашего коллектива, а следовательно, и нашего государства.

- А были ли случаи, когда артисты не возвращались с гастролей, оставались в странах, где выступали? Не беспокоили ли вас самые такие мысли?

- У меня никогда не возникало желания уехать из России. Ведь я обладал абсолютной свободой творчества. Сам решал, что ставить, нес за это полную ответственность. Никто и никогда в мою работу не вмешивался. Возможно, это связано с родом искусства, который я выбрал. А что касается ансамбля, то со всей ответственностью заявляю: ни один артист, ни один член нашего творческого коллектива в советские годы за границей не остался. Ведь многие отъезды мотивировались творческой неудовлетворенностью. Вероятно, такое чувство артистов нашего ансамбля миновало.

- Игорь Александрович, а что происходит в нашем искусстве сейчас? Существует ли преемственность традиций?

- У меня никогда не возникало желания уехать из России. Ведь я обладал абсолютной свободой творчества. Сам решал, что ставить, нес за это полную ответственность. Никто и никогда в мою работу не вмешивался. Возможно, это связано с родом искусства, который я выбрал. А что касается ансамбля, то со всей ответственностью заявляю: ни один артист, ни один член нашего творческого коллектива в советские годы за границей не остался. Ведь многие отъезды мотивировались творческой неудовлетворенностью. Вероятно, такое чувство артистов нашего ансамбля миновало.

- Обо всех видах искусства я судить, конечно, не могу. Телевидение, безусловно, оставляет желать лучшего. Очень много дешевых, низкосортных передач, сериалов. Иногда даже не поймешь, где ты - в России или в Латинской Америке. В западном кинематографе есть прекрасные, серьезные фильмы, но нас по непонятным причинам они обходят стороной. Слава богу, что существует канал «Культура».

Эстрады много, но все столь невысокого качества. Стыдно было смотреть некоторые новогодние передачи. В праздник за столом собирается семья, дети, а с экрана льется откровенная пошлость, а порой и то, что принято называть нецензурными выражениями. О традициях здесь говорить и не приходится. Где классическая, народная музыка? Вообще народное искусство отодвинуто в тень. А ведь на нем надо воспитывать молодежь, это же наши корни. Много ли по телевидению показывают выступления нашего ансамбля? Так, иногда фрагменты из юбилейных концертов. Нам по-прежнему рукоплещет весь мир, а на Родине молодежь нас порой не знает. Наша публика - это российская интеллигенция независимо от ее возраста. Нечего скрывать, что средства у этих людей ограниченные. Поднять цены на билеты - значит лишить ансамбль и зрителей радости взаимного общения. В наше время все нуждается в рекламе: от продуктов питания до высокого искусства. Реклама в любом ее виде стоит очень дорого. У нас, у государственного коллектива, на это просто нет средств. Еще раз повторяю, без действенной поддержки государства таким большим творческим коллективом, как наш, существовать в настоящей жизни крайне сложно.

- А как вы оцениваете сегодняшнее состояние русского классического балета - нашей национальной гордости?

- Жив наш классический балет, конечно, жив. В Большом театре Николай Цискаридзе - это явление. Очень хороший танцовщик Уваров. В идеальной форме, несмотря на стаж, находятся Нина Ананишвили, Галина Степаненко. В Мариинке великолепные балерины Ульяна Лопаткина, Диана Вишнева. Каждая из них неповторима индивидуальностью. Светлана Захарова переехала из Петербурга в Москву, но спектаклей с ее участием в Большом театре я еще не видел, только отдельные фрагменты балетов по телевидению. По форме она великолепна.

- Последний вопрос - личный. Среди огромного количества людей, окружающих вас по жизни, кто были ваши близкие друзья?

- Моим другом был Ираклий Андроников. Я всегда поражался его знаниям. Ему были открыты литература, живопись, музыка. Он был истинным поклонником на-

шего ансамбля, я всегда прислушивался к его мнению. Искренняя симпатия и привязанность были у нас и с писателем Сергеем Смирновым - автором знаменитой «Брестской крепости». Я с большой теплотой вспоминаю, как мы играли в шахматы, вели долгие исповедальные беседы. Но время идет. Сейчас я одинок. Для моего возраста в этом нет трагедии. Я каждый день прихожу на работу в мой родной репетиционный зал в Концертном зале им. Чайковского, всегда присутствую на большинстве выступлений нашего ансамбля. Со мной всегда рядом моя жена Ирина Алексеевна - мой самый близкий, дорогой, любимый человек.

Беседу вела Нина ЮХНО

